

Иллюстрации художника П. Пинкисевича

ОГЛАВЛЕНИЕ:

I II III IV V VI

I

- Барин, а барин! Лександра Иваныч! Ваше благородие!

И с этими словами Кириллов, вестовой мичмана Опольева - маленький и приземистый, чернявый молодой матросик, с сережкой в ухе, расставив, для сохранения равновесия, ноги врозь и придерживаясь, чтобы не упасть, одной рукой за косяк двери, - другою слегка дергал ногу мичмана, который крепко и сладко спал в своей маленькой каюте, несмотря на стремительную качку, бросавшую корвет "Сокол", словно мячик, на волнах расвирепевшего Атлантического океана.

В ответ ни звука.

Барин был соня и, по выражению вестового, "вставал трудно".

И Кириллов, хорошо знавший, что его же "заругают", если барин хоть на минуту опоздает на вахту, после паузы снова дергает мичманскую ногу, но уже сильнее и решительней.

- Ваше благородие! Вам на вахту! Лександра Иваныч! Извольте вставать!

- К черту! - раздался сонный окрик из койки.

- Никак невозможно... Лександра Иваныч!

- Я умер! - промычал мичман. - Брысь!

И, отдернув ногу, которую теребил вестовой, Опольев натянул на себя одеяло и повернулся на другой бок, готовый сладко поспать, как сильный продольный размах корвета ударил мичмана лбом о переборку и заставил очнуться.

Он высунул из-под одеяла заспанное, совсем молодое лицо, красивое, нежное и румяное, с пробивающейся светло-русой шелковистой бородкой, девственными усиками и кудрявыми белокурыми волосами, и, щуря свои большие карие глаза, улыбался сонной счастливой улыбкой, как улыбаются дети после хорошего сна, видимо находясь еще во власти чар сновидения, которые унесли его далеко-далеко от действительности.

Ярко-зеленая свежая листва деревенского сада, дышащего ароматом... Пахучие липы, маленькая покосившаяся скамейка под ними с вырезанными именами: "Елена", "Александр". Чудный профиль девушки в белой холстинке... Черные глаза, вдумчивые, нежные, добрые... Вьющиеся, славные волосы с веткой сирени в косе... Любящий, полный ласковой грусти взгляд этой милой, дорогой Леночки, которая слушает восторженно-умиленные речи своего жениха и, вся притихшая, точно боясь спугнуть полноту счастья, жмет своей мягкой и теплой рукой все крепче и крепче руку мичмана, и слезы дрожат на ее ресницах... "Навсегда!" - шепчет она. "Навсегда!" - чуть слышно отвечает он... Они так долго сидят, и вечер, обаятельный и тихий, застал их немymi от радости... Сад точно замер вместе с ними... Ни звука, ни шороха. И загоравшиеся в небе звезды кротко и любовно мигают сверху, словно любясь молодыми людьми и слушая, как полно бьются их переполненные сердца.

"Леночка! Александр Иваныч! Идите пить чай!" - стоит еще в ушах ласковый голос Леночкиной матери.

Все это, напомнившее о себе чудным сном, представляется с ясною дразнящею реальностью. Мозг еще не освободился от впечатлений грез. И молодому моряку хочется, до страсти хочется подолее задержать эти грезы.

Но прошло мгновение, другое - и они исчезли, словно растаяли, как дымок в воздухе.